

средствомъ превращенія невидимаго и ожидаемаго въ видимое и осозаемое. Но это понятіе о самодержавіи, по которому всѣ были на службѣ, а царь былъ руководителемъ всѣхъ служилыхъ (находившихся на службѣ), по которому всѣ были призваны къ одному дѣлу, и царь вмѣстѣ съ народомъ былъ исполнителемъ дѣла Божія, царь и народъ служили Богу,—такое понятіе о самодержавіи со времени Петра I-го и особенно со времени Екатерины II-й,—подъ вліяніемъ Запада, т. е. невѣрія въ будущность, подъ вліяніемъ признанія человѣка существомъ жалкимъ*), осужденнымъ на кратковременное лишь существованіе,—стало искажаться и превращаться въ такъ называемый просвѣщенный, гуманный деспотизмъ, который въ противоположность непросвѣщенному деспотизму восточныхъ монархій, считающему народъ рабомъ деспота, въ противоположность и московскому требованію службы отъ всѣхъ, объявлялъ себя слугою народа и ставилъ своею цѣлью не защиту могиль, не заботу о мертвыхъ, а заботу о живыхъ, защиту женъ и дѣтей (постелей и колыбелей). Эта забота и выразилась прежде всего въ освобожденіи, начиная съ дворянъ, отъ обязательной службы, значенія которой понять не хотѣли. А между тѣмъ это освобожденіе лишило жизнь цѣли и смысла и обрекло Россію, какъ и весь родъ человѣческій, на несовершеннолѣтіе, не временное, а вѣчное, безвыходное. Заботясь о благосостояніи живущихъ, просвѣщенный деспотизмъ приводить тѣмъ не менѣе къ состоянію величайшей неудовлетворенности; тогда какъ самодержавіе въ истинномъ смыслѣ есть путь къ достижению цѣли, совершеннолѣтія, и не ставя свою цѣлью благосостоянія живущихъ, ведеть ихъ къ несравненно большему благосостоянію, чѣмъ правительства, весь смыслъ свой поставляющія въ достижениѣ одного только благосостоянія живущихъ. Самодержавіе, какъ христіанство, обѣщаю блаженство лишь въ будущемъ, можетъ дать его уже въ настоящемъ» (стр. 383—384 Филос. Общ. Дѣла). „Православіе, какъ печалованіе о розни и гнетѣ, или небратствѣ, находитъ свой образецъ въ безграницной любви и преданности Сына Божія и Духа Святого къ Богу Отцу, т. е. въ основномъ догматѣ, а вмѣстѣ и заповѣди христіанства, въ заповѣди для людей, вѣрнѣ—для сыновъ и дочерей человѣческихъ въ ихъ совокупности, въ общемъ отеческомъ дѣлѣ, въ дѣлѣ воскрешенія, какъ высшемъ выраженіи любви «Ты во мнѣ (Отецъ въ Сынѣ) и Я въ Тебѣ (Сынъ въ Отцѣ), это—Божественный патріотизмъ, какъ образецъ патріотизма земного, выраженного въ словахъ:—*если въ Насъ едино будутъ*.. Православіе, которое и есть Божественный патріотизмъ, даетъ освященіе земному патріотизму, находящему свое выраженіе въ самодержавіи и народности. Въ приведенныхъ словахъ Первосвященнической молитвы Господа Нашего Іисуса Христа и заключается молитва объ осуществленіи Божественного патріотизма на землѣ черезъ самодержавіе, руководящее народъ въ дѣлѣ объединенія по образу Божественного Тріединства. Самодержавіе,

*Христіанскую любовь нельзя отожествлять съ жалостью; христіанская любовь взыграть въ великое назначение человѣка и имѣть цѣлью устранять самыя причины любскихъ бѣдствій, а не облегчать лишь страданія, которыхъ призываютъ новозавѣтийши. Любовь превращается въ жалость только при отсутствии всѣкой вѣры въ надежды, и это нехристіанство, не воскрешеніе, а буддизмъ, который ведетъ избавленіе отъ бѣдствий жизни не только въ потерѣ жизни, т. е. въ истреблѣ.